

ИВАН
ИЛЬИН

ВОЗРОЖДЕНИЕ
РОССИИ

О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЖДЕ
И ДУХОВНОМ ОБНОВЛЕНИИ

Москва

УДК 1(091)(47)
ББК 87.3(2)
И45

Ильин, Иван Александрович.
И45 Возрождение России : о национальном вожде и духовном обновлении / Иван Ильин. — Москва : Родина, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-00222-747-1

Иван Александрович Ильин (1883—1954) — русский философ и публицист, еще в середине прошлого века предсказал, что после падения «тоталитарного коммунизма» в России начнется период неизбежного хаоса и несвойственного для нее губительного западного либерализма. Но «разлагающая демократия» продлится недолго — верх в государстве возьмут «честные патриоты». Главное, говорил Ильин, выработать «здоровое национально-патриотическое чувство, без которого ни один народ не может ни утвердить своего существования, ни создать свою культуру».

О том, каким должен быть национальный вождь России, как пройдет ее духовное обновление, которое спасет страну от распада, читайте в книге, объединяющей избранные работы самого известного отечественного философа.

УДК 1(091)(47)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-00222-747-1

© Ильин И.А., 2025
© ООО «Издательство Родина», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	7
О России	13
Три речи	13
Против России	55
Отповедь расчленителям	62
Что сулит миру расчленение России	72
О русском национализме	93
О русской революции	104
Русская революция была безумием	104
Возникновение и преодоление большевизма в России	109
Социальность или социализм?	120
Изживание социализма	125
О Советском Союзе	129
Советский Союз — не Россия	129
Как русские люди превращаются в советских патриотов?	182
Несчастье молодых поколений	186
Без карьеры	193
«Протокол допроса»	197
О фашизме	202
О русском фашизме	202
Национал-социализм	217
Стратегические ошибки Гитлера	229
О фашизме	235

О национальном вожде	241
Тоталитарное разложение души	241
Национальный вождь и партийные главари ...	242
Что дает и что отнимает политическая партийность?.....	245
О политической порочности и слепоте	259
О возрождении России	277
Предстоящий в России хаос	277
Какие выборы нужны России?.....	280
О государственной форме	297
Русскому народу необходимо духовное обновление	303
О возрождении России.....	310

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(из статьи «Родина и мы»)

Я помню, как осенью 1922 года, в Москве, когда «вечное изгнание под страхом расстрела» было уже объявлено мне и оставались одни формальности, ко мне пришел проститься один из приятелей и произнес мне надгробное слово: Вы, говорил он, конченный человек; вы неизбежно оторветесь от России и погибнете... Что вы без родины? что вы можете без нее сказать или сделать? Уже через несколько месяцев вы не будете понимать того, что здесь совершается, а через год вы будете совсем чужды России и не нужны ей... Иссякнут ваши духовные родники... И вы станете несчастным, бесплодным, изверженным эмигрантом!»...

Я слушал и не возражал ему: он не видел дальше «пустоты и темноты»; он думал, что родина исчерпывается местопребыванием и совместным бытом; его патриотизм питался повседневностью; его любовь нуждалась в ежедневном подогревании; «русскость» его души была не изначальной, а привитой; он видел Россию не из ее священных корней; и судил обо мне по себе. И, зная это, я не надеялся поколебать его в прощальной беседе...

Мы, русские, мы, белые, все мы, вынужденно оторвавшиеся от нашей родной зем-

ли, — мы не оторвались от нашей родины, и слава Богу, никогда не сможем оторваться от нее. Всмотритесь и вслушайтесь в «пустоту» нашей тоски и в «темноту» нашей скорби: ведь мы сами — живые куски нашей России; ведь это ее кровь тоскует в нас и скорбит; ведь это ее дух молится в нас, и поет, и думает, и мечтает о возрождении, и ненавидит ее врагов.

Почувствуйте это: она в нас, она всегда с нами; мы слеплены из ее телесного и духовного материала; и она не может оторваться от нас, так же, как мы не можем оторваться от нее. И куда бы ни забросила нас судьба в нашем лиц дышит, и молится, и поет, и пляшет, и любит стихия нашей родины. И когда мы говорим, просто говорим, произносим русские слова, разве это не ее дивный язык (о, какой несравненный!) благовестит о ней и нам, и другим народам?..

От родины оторваться нельзя! Можно жить на свете, не найдя своей родины: мало ли их безродных теперь; всюду они мутят, желая привить другим свое убожество. Но кто раз имел ее, тот никогда ее не потеряет, разве только сам предаст ее и не посмеет покаяться вернуться к ней... А нам всем родина дала уже, дала раз навсегда, неумирающее и неистощающееся богатство, в нас самих укрытое, всюду нас сопровождающее, дар навеки...

Конечно, это верно: что я без моей родины, которая это создала и это дала мне навеки? Да, но разве какое бы то ни было изгнание

может отнять это у меня? Разве эти алтари не живут во мне самом и я не могу в любой момент обратиться к ним мою любовь, и мою гордость, и мою благодарность, и мою молитву? И какая «денационализация» страшна мне и моим детям, если я постоянно — трепетом моего сердца и огнем моей воли — молюсь у этих алтарей и учу тому же моих детей?

Но тогда где же «пустота» и «темнота»? Да, я оторван от родной земли; но не от духа, и не от жизни, и не от святынь моей родины; и ничто, и никогда не оторвет меня них!..

И вот, смотрите: «состояние» изгнанничества становится заданием, действием и подвигом. Мы должны найти в себе, углубить и укрепить свою русскую природу, свою «русскость», так, чтобы через «пустоту» и «темноту» видимого и мнимого «отрыва» от России засиял свет подлинного единения и глубинного единства с нею. Мы оторваны от родной земли именно для того, чтобы найти в себе самих родной дух, тот дух, который строил Россию от Феодосия Печерского и Владимира Мономаха до Оптиной Пустыни и Белой Армии. И родная земля вернется нам только тогда, когда огонь этого духа загорится и в нас, и в оставшихся там братьях наших; загорится — и вернет нам нашу землю, и наш быт, и нашу государственность...

Где-то в мудром решении Божиим установлено так, что человек находит через утрату, прозревает в разлуке, крепнет в лишениях, закаляется в страдании...

Карта ли это? Возмездие ли?

Не милость ли? Не помощь ли?

Когда же, когда возростал и окрылялся человек в легких, дешевых, слишком человеческих утесах?

И разве не на сильного и не на любимого возлагается более тяжкий крест?

Нам задано обрести родину через утрату ее; увидеть ее подлинный, прекрасный лик в разлуке; окрепнуть и закалиться в изгнании; и подготовить свою волю и свое разумение к новому строительству нашей России.

Наша задача не в том, чтобы пережить этот трудный период во что бы то ни стало: это значило бы все продешевить, растерять и погубить. Но в том, чтобы пережить этот период, оставшись белыми, сохранив белый дух, дух чести, служения и верности.

Мы должны соблюсти, во-первых, дух чести, ибо Россия погибла от бесчестия и возродится только через честь.

Я разумею прежде всего общечеловеческую честь — живое чувство собственного достоинства; уважение к себе и к своим алтарям; отвращение ко всяческой кривизне; прямоту характера, слова и поступка; имущественную честность.

Я разумею, далее, воинскую честь — достоинство солдата; уважение к воинскому званию и призванию; живое осознание той благой цели, для которой воину дан меч; культ воинской доблести и славы.

Я разумею, наконец, государственную честь — достоинство русского гражданина, неотделимое от достоинства России; уважение к исторической государственности, строившей нашу чудесную родину; живое осязание самого себя в единстве со своей родиной; памятование о том, что мы — ее аванпост и что по нас — судят о ней.

Мы должны соблюсти в себе во-вторых, дух служения, ибо Россия погибла от безразличия и своекорыстия и возродится только через служение.

Я разумею тот дух патриотической преданности, который подчиняет все личные и классовые цели — благу родины; я разумею рыцарственный дух бескорыстия свободной жертвенности, добровольного подчинения, дисциплины и бесстрашия; я разумею то состояние души, когда любовь родит сильную и неподкупную волю, воля ведет к поступку, а поступок строит родину; когда чувство долга становится второй природой, а вера в свое призвание ведет к подвигу.

Мы должны соблюсти в себе, в-третьих, дух верности, ибо Россия погибла от душевной смуты, двоедушия и предательства и возродится только через верность.

Верным может быть только тот, кто чему-нибудь религиозно предан; кто в чем-нибудь безусловно и окончательно убежден; кто испытывал нечто с полной очевидностью, так, что душа его становится одержима тем, что ему очевидно. У человека безыдейного и без-

верного нет и верности; в нем все неясно, сбивчиво, смутно, — в нем смута и шатание, и поступки его всегда накануне предательства.

Бесчестие, своекорыстие и смута, — безрелигиозность и бесхарактерность, — погубили Россию; и возродится она честью, служением и верностью. Эти три великие основы русского православного правосознания с самого начала создали, спаяли и укрепили Белую Армию; ими она жила, за них боролась, ими побеждала. Благодаря им и через них она непобедима, ибо они слагают вместе тот дух, тот воздух, которым будет дышать и жить возрождающаяся и возрожденная Россия. Это есть как бы та «живая вода», которою должно быть вспрыснуто «мертвое тело» нашей родины...

И какой бы «строй» ни установился в России после перелома, какие бы люди ни оказались «во главе», какие бы «программы» ни восторжествовали, — Россия будет существовать, расти и цвести только тогда, если в ней воцарится дух чести, служения и верности.

И еще в одном мы можем быть уверены: если в России возобладает дух чести, служения и верности, то она станет монархией. Ибо этот дух, — дух единения, достоинства, дисциплины, порядка, честности и верности, — породит сильную, законную, несменяемую, сверхклассовую, национальную власть, свободно и доверчиво любимую народом и воспитывающую его через честь к свободе и через собственность к труду.

О РОССИИ

Три речи

В наше время, время видимого крушения России, а на самом деле — время ее мученического очищения, ее исторического оправдания и духовного возрождения в перерожденном виде; в наши дни, дни великого соблазна для близоруких и великих надежд для дальнорюких; — когда русский народ, всеми иными народами преданный и покинутый, сам с собой наедине, перед лицом Божиим, добывает себе свободу голодом и кровью, пытается по-самсоновски повалить на себя капище Дагона, но выйти из-под развалин с молитвою на устах и с приговором для своих врагов; в такое время, в такие дни, когда у каждого русского сердце горит от святой любви и священного гнева, когда уже иноземцы начинают постигать мировое и пророческое значение русской трагедии и содрогаться о своей собственной судьбе, — чудится мне, что у всех у нас есть потребность обратиться к России в ее историческом целом, окинуть взором, сколько его хватит, нашего взора, пути, и судьбы, и задания нашей Родины, основы и первоосновы ее культуры, из коих все вышло и к коим все сводится, увидеть их в их

силе и славе, увидеть их в их опасных уклонах и соблазнах, увидеть все это не только в исторической ткани нашей страны, но и в нас самих, в наших душах, в их сознательном и бессознательном укладе, в явных деяниях дня и в тайных сновидениях ночи; с тем, чтобы каждый из нас осязал в самом себе и чудесные дары нашей России, составляющие самую русскость нашей русскости, и те пробелы, те слабости, те недостроенности и неустроенности русской души, которые не дали нам устоять против мирового соблазна, но привели наш народ на гноище мировой истории, те несовершенства и незавершенности нашего национального характера, без одоления которых нам не построить России, ни нам, ни нашим детям и внукам...

Духовная культура народа не есть его почетное кладбище; не есть только музей его лучших свершений, или все множество его вещественных и сверхвещественных созданий; нет, — она живет и творится и в нас, его сынах, связанных со своею родиной любовью, молитвою и творчеством; она живет незримо в каждом из нас, и каждый из нас то бережет и творит ее в себе, то пренебрегает ею и запускает ее...

Россия не только «там», где-то в бескрайних просторах и непроглядных лесах; и не только «там», в душах ныне поработленного, но в грядущем свободного русского народа; но еще и «здесь», в нас самих, с нами всегда, в живом и таинственном единении. Рос-

сия всюду, где хоть одна человеческая душа любовью и верою исповедует свою русскость. И потому возрождение и перерождение ее совершается в нас, в наших душах, в их горении, творческом напряжении и очищении. Очистившиеся души найдут новые молитвы; созревшие души породят новые дела. Новыми молитвами и новыми делами обновится Россия и ее культура

Мы призываем думать об этом и трудиться над этим день и ночь, — и там в России, в рабочем стеснении городов, на ограбленных полях, в каторге ссыльного труда; и здесь за рубежом, сидя в бесправии и унижении у негостеприимных очагов недопогибших народов. И прежде всего, и больше всего каждый из нас призван, не соблазняясь иностранными и инославными суждениями о нашей России и предоставляя упорствующим в слепоте стать жертвою их слепоты, — постигнуть Россию з ее вечном, исторически духовном естестве, найти ее в себе и найти в своей душе то место, от которого он мог бы ныне же заткать новую ткань своей жизни, как ткань ее жизни

Видим Россию любовью и верою; делим ее муку, и знаем, что придет час ее воскресения и возрождения. Но дня и часа не знаем, ибо они во власти Божией.

О России

Разве можно говорить о ней? Она — как живая тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться; и, не постигая

ее, блюсти ее в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать...

Но о дарах ее; о том, что она дала нам, что открыла; о том, что делает нас русскими; о том, что есть душа нашей души; о своеобразии нашего духа и опыта; о том, что смутно чувствуют в нас и не осмысливают другие народы... об отражении в нас нашей Родины — да будет сказано в благоговении и тишине.

* * *

Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в легкий, далекий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и легкость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная свобода, внутренняя ширь, осязание неизведанных, небывалых возможностей. Мы родимся в этой внутренней свободе, мы дышим ею, мы от природы несем ее в себе. — и все ее дары, и все ее опасности: и дары ее — способность из глубины творить, беззаветно любить и гореть в молитве; и опасности ее — тягу к безвластью, беззаконию, произволу и замешательству... Нет духовности без свободы; — и вот, благодаря нашей свободе пути духа открыты для нас: и свои, самобытные; и чужие, проложенные другими. Но нет духовной культуры без дисциплины; — и вот, дисциплина есть наше великое задание, наше призвание и предназначение. Духовная свобода дана

нам от природы; духовное оформление задано нам от Бога.

Разливается наша стихия, как весенняя полая вода, — ищет предела вне себя, ищет себе незатопимого берега. И в этом разливе наша душа требует закона, меры и формы; и когда находит, то вращается в эту форму свободно, вливается в нее целиком, блаженно вкушает ее силу и являет миру невиданную красоту...

Что есть форма? Грань в пространстве; мера и ритм во времени; воля, закон и долг в жизни; обряд в религии. Всмотритесь в линии нашей иконы; в завершенные грани наших храмов, дворцов, усадеб и изб; почувствуйте живой, неистощимый ритм нашего стиха, нашей музыки, нашей свободно творимой пляски — все это явления свободы, нашедшей свой закон, но не исчерпанной и не умерщвленной им. Так в старину облик царя венчал собою свободное биевание народной жизни, но не подавлял и не умерщвлял его; ибо народ свободно верил своему царю и любил его искренно, из глубины. Так православный обряд наш дышит успокоением и свободой в своей завершенности, цельности, и гармоничной, мерной истовости.

Не разрешена еще проблема русского национального характера; ибо доселе он колеблется между слабыхарактерностью и высшим героизмом. Столетиями строили его монастырь и армия, государственная служба и семья. И когда удавалось им их дело, то возникали дивные, величавые образы: русские под-

вижники, русские воины, русские бессребренники, претворявшие свой долг в живую преданность, а закон — в систему героических поступков; и в них свобода и дисциплина становились живым единством. А из этого рождалось еще более высокое: священная традиция России — выступать в час опасности и беды добровольцем, отдающим свое достоинство и жизнь за дело Божие, всенародное и отечественное... И в этом ныне — наша белая идея.

Наша родина дала нам духовную свободу; ею проникнуто все наше лучшее, все драгоценнейшее — и православная вера, и обращение к царю, и воинская доблесть, и наше до глубины искреннее, певучее искусство, и наша творческая наука, и весь наш душевный быт и духовный уклад. Изменить этой свободе — значило бы отречься от этого дивного дара и совершить предательство над собою. А о том, как понести бремя этого дара и отвлечь опасности на нашем пути — об этом должны быть теперь все наши помыслы, к этому должны быть направлены все наши усилия. Ибо, если дисциплина без свободы мертва и унижительна, то свобода без дисциплины есть соблазн и разрушение.

* * *

Россия одарила нас огромными природными богатствами, и внешними, и внутренними; они неисчерпаемы. Правда, они далеко не всегда даны нам в готовом виде: многое таит-

ся под спудом; многое надо добывать из-под этого спуда. Но знаем мы все, слишком хорошо знаем, что глубины наши, — и внешние, и внутренние, — обильны и щедры. Мы родимся в этой уверенности, мы дышим ею, мы так и живем с этим чувством, что «и нас-то много, и у нас всего много», что «на всех хватит, да еще и останется»; и часто не замечаем ни благодности этого ощущения, ни сопряженных с ним опасностей...

От этого чувства в нас разлита некая душевная доброта, некое органическое ласковое добродушие, спокойствие, открытость души, общительность. Русская душа легка, текуча и певуча, щедра и нищелюбива, — «всем хватит и еще Господь пошлет»... Вот они — наши монастырские трапезы, где каждый приходит, пьет и ест, и славит Бога. Вот оно наше широкое гостеприимство. Вот и эта дивная молитва при посеве, в которой сеятель молится за своего будущего вора: «Боже! Устрой и умножь, и возрасти на всякую долю человека голодного и сирого, хотящего, просящего, и произволяющего, благословляющего и неблагодарного»... И если в простых сердцах так обстоит, то что же думать о сердце царя, где «всей Руси было место» и где был источник любви, справедливости и милости для всех «сирот» без изъятия?..

Да, благодушен, легок и даровит русский человек: из ничего создаст чудесное; грубым топором — тонкий узор избяного украшения; из одной струны извлечет и грусть, и удаль.

И не он сделает; а как-то «само выйдет», неожиданно и без напряжения; а потом вдруг бросится и забудется. Не ценит русский человек своего дара; не умеет извлекать его из-под спуда, беспечное дитя вдохновения; не понимает, что талант без труда — соблазн и опасность. Проживает свои дары, проматывает свое достояние, пропивает добро, катится вниз по линии наименьшего сопротивления.

Ищет легкости и не любит напряжения; развлечется и забудет; выпашет землю и бросит; чтобы срубить одно дерево, погубит пять. И земля у него «Божия», и лес у него «Божий»; а «Божье» — значит «ничье»; и потому чужое ему не запрещено. Не справляется он хозяйственно с бременем природной щедрости. И как нам быть в будущем с этим соблазном бесхозяйственности, беспечности и лени — об этом должны быть теперь все наши помыслы...

* * *

Россия поставила нас лицом к лицу с природой, суровой и захватывающей, с глубокой зимой и раскаленным летом, с безнадежной осенью и бурною, страстною весною. Она погрузила нас в эти колебания, растворила с ними, заставила нас жить их властью и глубиной. Она дала нам почувствовать разлив вод, безудержность ледоходов, бездонность омутов, зной засухи, бурелом ветра, хаос метелей и смертные игры мороза. И души наши глубоки и буреломны, разливны и бездонны,

и научились во всем идти до конца и не бояться смерти.

Нам стал, по слову Тютчева «родим древний хаос»; и «безглагольные речи» его стали доступны и понятны нашим сердцам. Нам открылся весь размах страстей и все крайности верха и низа, «самозабвенной мглы» и «бессмертного солнца ума» (Пушкин), сонной вялости и буйной одержимости, бесконечной преданности на смерть и неугасимой ненависти на всю жизнь. Мы коснулись, в лице наших Святых, высшей, ангельской праведности; и сами извели природу последних падений, безумства, злодейства и сатанинства. Из этих падений мы вынесли всю полноту покаяния и всю остроту совестных угрызений, сознание своего «ничтожества» и близость к смирению.

Но тяжести смирения мы не вынесли и меры его не соблюли: мы впали в самоуничужение и уныние; и решили, что «мы — перед Западом — ничто». И не справившись с этим чрезмерным бременем, самоглотания и самоуничужения, вознаградили себя мечтанием о том, что «мы — народ богоносец», что мы «соль вселенной»...

Мало того, мы не выдержали соблазна этой вседоступности, этой душевной раскочки и впали в духовное всесмешение: мы потеряли грани божественного и небожественного, неба и земли, добра и зла; мы попытались обожествовать сладострастие и возвеличить грех; мы захотели воспеть преступление и прославить

слепую одержимость; мы отвернулись от стыда, погасили разум, разлюбили трезвение, потеряли дорогу к духовной очевидности. И вот, перед революцией — хлыстовское начало захватило русскую интеллигенцию: возникло хлыстовское искусство, хлыстовская философия, хлыстовская политика, — политика вседоступности и вседозволенности... И воцарилась смута и все пошло верхним концом вниз...

Но соблюдаем же наши дары и одолеем наши соблазны. Чувство беспредельности, живой опыт ночной стихии, дар пророческой одержимости — дала Нам наша родина. Отречься от этого дара — значило бы отречься и от нее и от себя. А о том, как понести и оформить этот дар, не падая и не роняя его, как очистить его от соблазнов, как освятить его молитвою и пронизать Божиим лучом, — об этом нам надо болеть и радеть неустанно... Ибо это есть путь к исцелению и расцвету всей русской культуры.

* * *

Всем тем Россия дала нам религиозно-живую, религиозно-открытую душу. Издревле и изначально русская душа открылась Божественному и восприняла Его луч; и сохранила отзывчивость и чуткость ко всему значительному и совершенному на земле.

«Нет на земле ничтожного мгновенья», сказал русский поэт; и к испытанью, к удостоверенью этого нам даны живые пути. За обстав-